

Один из крупнейших олигархов РФ Пётр Авен был всегда незаметным, но всегда особо бдительно отслеживал свои личные интересы.

Дед миллиардера Авена был красным латышским стрелком. В 30-е годы его репрессировали. Литература известного направления ярко описала, как «тяжело» было жить членам семей репрессированных. Поэтому отец Авена в двадцать три года, в 1950-м начал работать в Институте автоматики и телемеханики АН СССР, а через десять лет - стал его учёным секретарем. Ещё - учёным секретарём Национального комитета СССР по автоматическому управлению и ответственным секретарём Комитета по системному анализу при президиуме АН СССР. И лауреатом Госпремии.

Поэтому у Авена самого практически не было выбора: для внука «врага народа» путь в обычную школу был закрыт. Пришлось учиться в московской математической спецшколе № 2, «питомнике гениев при физмате МГУ». Эта школа прославилась ещё тем, что во времена его учёбы ежегодно за рубеж стало эмигрировать большое число её выпускников.

Авен закончил её в 17 лет, и позже он скажет: «Мои взгляды не менялись с 16 лет. Я никогда не был левым, всегда крайне отрицательно относился к левым, ужасно плохо, всю жизнь ненавидел чегеваристов, троцкистов, новых левых - и никак не изменил с тех пор свою точку зрения».

Взгляды Авена сформировались не в семье («бабушка осталась твердокаменным коммунистом и таковой оставалась до последнего дня»), а именно в этой школе - так готовили будущую советскую научную элиту в «питомнике гениев МГУ». Там окрепла его любовь к искусству: он стал президентом школьного музыкального клуба.

Потом поступил на экономический факультет МГУ, где завкафедрой управления был Гавриил Попов. Диплом Авен защитил под руководством экономиста-экспериментатора Станислава Шаталина. И плавно перешёл в аспирантуру - учился вместе с Егором Гайдаром. В МГУ Авен тоже стал президентом музыкального клуба. И подружился с Михаилом Фридманом.

Защитив диссертацию, сын ответсека Комитета по системному анализу при Президиуме Академии наук СССР, вполне естественно, пошёл работать во ВНИИ системных исследований АН СССР - и сидел в одной комнате с коллегой по аспирантуре Гайдаром.

К концу 80-х Авен-отец был уже не только орденосцем, а и членкором АН СССР. И молодой учёный Авен-сын как специалист по «эконометрике» развил талант: оказался на работе в Международном институте прикладного системного анализа (МИПСА) в Австрии (Лаксенбург).

Одним из его организаторов и директором ВНИИСИ, что был филиалом МИПСА был хороший знакомый отца (и зять Косыгина) - Джермен Гвишиани. По мнению экспертов, в Лаксенбургском институте разрабатывали модели демонтажа советской плановой экономики и её раздела. И заодно - Авен одновременно оказался советником МИДа.

Так что осенью 1991 года у него не было, по сути, иного пути, чем войти в «правительство Гайдара» председателем комитета внешнеэкономических связей и первым заместителем главы МИДа РФ Козырева.

И когда в 1992 году было создано Министерство внешних экономических связей РФ - его, конечно, возглавил Авен. Какие успехи в этот год были, да и могли быть у такого ведомства в таком правительстве - сказать сложно, но он всё же предпочел после отставки Гайдара тоже подать в отставку.

Позже Авен скажет об этом времени: «Первый миф, который я предлагаю проанализировать - это миф о том, что никто не хотел идти в правительство в конце 1991 года. Тезис, о том, что никто не хотел идти в правительство в 91-м году, повторяется очень часто. Будто бы только команда Гайдара решилась, а больше никто не хотел. Это неправда.

В 91-м году, хотя магазины были пусты и купить без очереди ничего было нельзя, тем не менее, в Москве я не видел ни одной павшей лошади, так чтобы её на куски резали на Тверской, как, например, в 18-м году. Я такого не видел».

1992 год - время начала создания крупных состояний на ограблении страны. И он применил свои силы в бизнесе и в кампании «Финансы Петра Авена» («ФинПА»). Но до марта 93-го, когда он её создал, успел поработать консультантом «ЛогоВАЗа» Бориса Березовского.

В отличие от многих занимавшихся тогда «бизнесом», Авен в разграблении страны вроде бы не участвовал. И спекуляциями не занимался. Он ничего не покупал и не перепродавал. Он просто продавал. Свои советы. То есть - информацию.

Он сам говорил, что ни у него, ни у его кампании не было капитала. Он просто консультировал. Но не зря говорят: кто владеет информацией, тот владеет миром.

Наверное, естественно, что у бывшего сотрудника одного из ведущих центров экономической мысли в СССР, бывшего сотрудника Международного института прикладного системного анализа, хорошо знакомого с зятем бывшего предсовмина

СССР и с бывшим членом Политбюро и Министром иностранных дел СССР Шеварднадзе (тем более что и сам был министр внешнеэкономических связей России), просто не могло не быть полезной информации и полезных знакомств и связей.

Авен опередил время: к чему торговать нефтью, когда можно продавать информацию? Кстати, работники банков говорят ещё о подарках и комиссионных, которые он получал от зарубежных партнёров при решении вопросов о долгах.

В биографиях Авена пишут, что в декабре 1992 года он подал в отставку после отставки Гайдара. Но в прессе встречаются и другие данные.

Например, что в 1991-1992 годах его разрабатывало 6-е управление Министерства безопасности по материалам крупных хищений. И нанесению стране крупного ущерба. А также по подозрению в преступных связях со спецслужбами Израиля. И уволен, по этой версии, он был не по своей инициативе, а по докладу министра безопасности Борису Ельцину.

И тут на связь с ним вышел приятель-фарцовщик из студенческих времён Михаил Фридман, тоже сын лауреата Госпремии СССР.

В информации об Авене также можно найти упоминания и о том, что в 1993-м в Вене состоялась его встреча с представителем колумбийских наркобаронов Орехуэлом, известным под кличкой «Шахматист», и что на этой встрече была достигнута договорённость о размещении в «Альфа-банке» денежных средств из оффшорных зон (Багамы, Гибралтар) для их вложения в экономику России путём скупки акций российских предприятий.

Когда в конце 1993 года Авен оказался депутатом Госдумы по списку другого своего приятеля Егора Гайдара, то не стал заниматься подобной ерундой - и отказался от мандата. У него, генерального директора «ФинПА», теперь впереди был пост президента «Альфа-банка». Здесь он занимался вопросами стратегического развития. На нём были контакты с деловыми кругами и правительственными структурами.

Можно было бы предположить, что его личный успех и успех его банка - результат математически-экономического гения. Но он как-то признался, что математику, по сути, забыл: даже сам не всегда понимает собственные работы 80-х и материалы собственной диссертации.

Корень успехов не в математике - всё дело в связях. Конечно же, серьёзным людям было комфортнее иметь дело с Авеном, с его академически-правительственным прошлым, чем с его партнёром - бывшим фарцовщиком.

Расцвет «Альфа-группы» чаще всего связывают с Авеном - и последствиями дефолта августа 1998 года. «Я могу давать советы, но у меня нет капитала», - говорил Авен

когда-то. В августе 98-го совет друга Гайдара (то есть того, кто знал о дефолте и его готовил) - стоил намного больше капитала. Доллар тогда в первые дни вырос в четыре-пять раз. Потом упал. Потом опять вырос.

Вот тот, кто знал, когда он вырастет, когда упадёт, когда опять вырастет - тот значил больше любого капитала. Это же только «романтик Гайдар», спланировав дефолт и девальвацию одновременно, даже собственные рублёвые сбережения не стал переводить в валюту!

Его друг Авен потому и относил себя всю жизнь к правым, что полагал: «правые всегда более реалистичны».

Биографии Авена обычно странно пропускают в описании период его деятельности с 1994 по 1998 годы. Стал в 1994-м президентом «Альфа-банка» - и «холдинг существенно усилил свои позиции. В первую очередь, благодаря успешному преодолению августовского кризиса 1998 года».

Если про четыре года ничего не пишут, значит, в эти четыре года вмещается что-то, о чём писать не нужно. Однако всё же кое-что упоминается: например, что «Альфа-группа» как-то была задействована в международных программах по Ираку «Нефть в обмен на продовольствие». И вопросы у международных структур по этому поводу возникали.

Авен всегда был солиден, всегда был значим, но никогда не был суетлив. И будучи в правительстве Гайдара, не мелькал на экране, как сам Гайдар или Чубайс.

Но к 1996 году Авену было что терять, и когда олигархи мобилизовались, чтобы сохранить у власти Бориса Ельцина - Авен был среди них.

Считается, что он оказывал поддержку избирательной кампании Лебедея, задачей которого было расколоть патриотический антиельцинский электорат и не дать победить в первом туре Зюганову.

Задачу Авен решил. И получил от сохранённого Ельцина официальную президентскую благодарность за помощь в кампании.

Когда Авен вошёл в состав «Семибанкирщины», то был там незаметен, в отличие от Березовского, Гусинского, Потанина. Когда началось жёсткое противостояние - с одной стороны Потанин и Чубайс, с другой «союз четырёх» (Березовский, Гусинский, Ходорковский, Смоленский) - был незаметен тоже.

В 2000-е годы Авен не бежал из страны, как Березовский. Не вступал в политическую борьбу, как Ходорковский. Не заискивал перед властью, как его компаньон Фридман.

Авен, как обычно, был незаметен. Но составил вместе с Кохом обеляющую книгу о правительстве Гайдара.

Возможно, отказ Авена от депутатского мандата в 1993 году был чем-то большим, чем предпочтение бизнеса политике: это было сознательное позиционирование себя непубличным человеком.

Пусть и в невысоком статусе - но Авен был выходцем из структур Гвишиани. А Джермен Гвишиани не только академик и зять Косыгина - он был членом Римского клуба. И одним из персонализированных звеньев, связывавших неформально высшую политическую элиту СССР 1970-80-х с ведущими фракциями мировой элиты.

И какие из контролируемых Гвишиани связей и нитей оказались доступными министру внешней торговли РФ - вопрос отдельный.

Кстати, среди прочего - в 1992 году Авен был ещё и личным представителем президента Ельцина по связям с индустриально развитыми странами. И вёл, как считается, удачные переговоры с Парижским клубом кредиторов по выплате российских долгов.

Провёл - и сразу ушёл из правительства. В бизнес - продавать советы и информацию. Особенно - по работе с долгами страны. То есть - по тому вопросу, по которому и вёл переговоры.

«Форбс» писал, что его кампания («Финансы Петра Авена») зарабатывала на сделках с внешними долгами - в частности, с долгами Индии и Ганы, а также с коммерческой задолженностью бывшего СССР.

Авен сегодня, как считается, обладает состоянием в четыре с половиной миллиарда долларов, пакетами акций компаний большинства компаний «Альфа-Групп», включая «Альфа-банк» и «Вымпелком». Два миллиарда долларов пришлось на его долю от продажи TNK-BP.

Кстати, как публично объявлял Навальный, «Альфа» и «Вымпелком» - среди групп, финансировавших его болотную деятельность.

В 2012 году правительство Латвии наградило Авена высшей наградой: Орденом Трёх Звезд. Таким же орденом раньше тот же режим наградил А. Н. Яковлева.

Искусство Авен по-прежнему любит: владеет крупнейшей в России коллекцией русской живописи начала XX века. В ноябре 2012 года на аукционе Christie's в Нью-Йорке купил картину Кандинского «Эскиз к импровизации №8» за 23 млн долл. Тогда же приобрел карандашный портрет Мейерхольда работы Анненкова за 1,7 млн долл.

А ещё - в руках Авена руководство и пост председателя совета директоров телекомпании СТС. По мнению экспертов - популярной, но одной из самых безвкусных.

Комментаторы пишут, что через выходцев и бывших сотрудников «Альфа-Группы» Авен создал мощную систему политического лоббирования, которую в основном использует в своих личных интересах.

По некоторым данным, в своём имении в английском Суссексе строит себе атомное бомбоубежище...